

Владимир КОСТРОВ

«...ГДЕ ОНА, РОССИЯ, ПО КАКОЙ РУБЕЖ СВОЯ?»

Владимир Андреевич Костров родился в 1935 году в деревне Власиха Боговарского района Костромской области. Окончил химический факультет Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, работал инженером на заводе. В 1967 году окончил Высшие литературные курсы. Член Союза писателей России, известный советский и российский поэт, переводчик, драматург. Лауреат Государственной премии РСФСР им. М.Горького (1987), Большой литературной премии Союза писателей России (2002) и многих других. Живёт в Москве.

***

Терпенье, люди русские,
терпенье:
Рассеется духовный полумрак,
Врачуются сердечные раненья...
Но это не рубцуются никак.
Никак не зарастает свежей
плотью...
Летаю я на запад и восток,
А надо бы почаще ездить
в Тотьму,
Чтоб положить к ногам его
цветок.
Он жил вне быта, только русским
словом.
Скитания, бездомье, нищета.
Он сладко пел. Но холодом
медовым
Суровый век замкнул его уста.
Сумейте, люди добрые, сумейте
Запомнить реку, памятник
над ней.
В кашне, в пальто, на каменной
скамейке
Зовёт поэт звезду родных полей.
И потому, как видно, навсегда,
Но в памяти, чего ты с ней
ни делай,

Она восходит, Колина звезда:
Звезда полей во мгле
заледенелой.

Возвращение

Как вступление
к «Хаджи-Мурату»,
сторона моя репъём богата
(стойкий, чёрт, — попробуй,
оторви!).
Да ещё грачами, да ручьями,
круглыми,
протяжными речами,
как ручьи, журчащими в крови...
Конский шар катну ботинком
узким,
кто их знает, шведским ли,
французским...
Дом родимый — глаз не оторвать!
Грустная и кроткая природа,
вот она — стоит у огорода
маленькая седенькая мать.
Рядом папа крутит папиросу.
Век тебя согнул, как знак
вопроса,
и уже не разогнуть спины.
Здравствуй, тётка, божий
одуванчик,
это я — ваш белобрысый
мальчик.
Слава богу, слёзы солонь.
Вашими трудами, вашим хлебом
я живу между землёй и небом.
Мамочка, ты узнаёшь меня?
Я твой сын!
Я овощ с этой грядки.
Видишь — плачу, значит,
всё в порядке:
если плачу, значит, это я.

***

Не трогайте жанр,
Излучающий жар.
Поленья рассудка в пыланье
напева.
Поверьте, проверьте:
поэзия — шар,
Поедешь направо —
приедешь налево.
В ней ясный неясен
И глупый неглуп.
В ней чувство и мысль —
Словно конь и подпруга.
Поверьте, проверьте:
поэзия — куб
Той комнаты, где вы любили
друг друга.
Простого кумира себе сотворю,
Слеза на щеке — вот её
откровенье.
Поэзия — угол, я вам говорю,
Где редко, но мы преклоняем
колени.

Иван, не помнящий родства

Не как фольклорная
подробность,
Как вызов против естества,
Был в русской жизни
Страшный образ —
Иван, не помнящий родства.
Ни огонька,
Ни поля чести.
Ни проливного бубенца.
Ни доброй памяти,
Ни песни,
Ни матери
И ни отца.

Тут не увече,
Не уродство,
Не тать — рука у топора,
А сердца вечное сиротство
И в светлом разуме дыра.

И в ближней стороне,
И в дальней,
В часы беды и торжества
Нет участи твоей печальней,
Иван, не помнящий родства.

***

Воробей, стучащий в крышу,
дробный дождь в пустом
кoryте, —
говорите, я вас слышу,
я вас слышу, говорите.
Прежде чем я стану тенью,
остро, как переживанье,
слышу, слышу свиристенье,
шебаршенье и шуршанье.
Эти травы, эти птицы
на закате и в зените,
милые твои ресницы,
я вас слышу, говорите.
Ничего не надо, кроме
общей радости и боли,
доброй песни в отчем доме,
свиста вьюги в чистом поле.
Мы уйдём, но не как тени,
в мир пернатых и растений,
в песни, шорохи и звуки.
Нас с тобой услышат внуки.

Старый сюжет

Опять Подмосковье красно
от ранета.
Любимая,
это кончается лето.

Для сердца — отрада,
для глаза — награда.
Пора увяданья,
пора листопада.
А ты словно Ева на древней
иконе,
и рдеет ранет на прозрачной
ладони.
И нас не прогонят
из нашего сада.
Нас любит и помнит пора
листопада.
Прощаясь, горит и ликует
природа,
и сердце желает запретного
плода.
И можно сгореть от любимого
взгляда...
Такая хмельная пора листопада!
Мы встретились в мире какими
судьбами?
Мы яблока вместе коснёмся
губами.
Бессмертья не будет,
и рая не надо.
Гори, не сгорая, пора листопада!

Полковник

Ах, полковник,
он сед и галантен,
и звенят ордена на груди!..
Только хочет он быть
лейтенантом,
у которого всё впереди!
Молодым,
самым главным на свете,
когда в солнечных лёгких лучах
две малюсеньких звёздочки эти,
как слезинки, дрожат на плечах.

Стать зелёным,
как свежая ветка,
чтоб девчата на собственный
страх

гренадёра двадцатого века
обнимали в глухих городках,
чтоб смущённо глядел
новобранец
из рядов подровнявшихся рот
на густой лейтенантский

румянец,
на припухший мальчишеский рот.
И вздыхает товарищ полковник,
и дрожит седина на висках,
и друзей вспоминает покойных
на российских и прочих полях.
«Что стрельба по картонным
фигурам

и учебные эти бои,
гарнизонные наши амуры,
дорогие ребята мои.

Мне приказ отдавать неохота,
замирает приказ на губах:
не хочу, чтобы грозное что-то
проступало в ребячьих чертах».

С песней!
С песней!
Идут они с песней.

Веселей, запевала, гуди!
Далеко нам, ребята, до пенсий!
Хорошо, всё ещё впереди!

На открытии скульптуры «Тёркин и Твардовский» в Смоленске

Вновь над кручею днепровской
Из родной земли сырой
Встали Тёркин и Твардовский...
Где тут автор, где герой?

Рядом сели, как когда-то,
Чарку выпить не спеша,
Злой години два солдата,
В каждом русская душа.

Два солдата боевые,
Выполнявшие приказ,
«Люди тёплые, живые»,
Может быть, живее нас.

И с тревогою спросили,
Нетерпенья не тая:
«Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?»

Мы знамёна полковые,
Ненавистные врагам,
И ромашки полевые
Положили к их ногам.

Мы стыдливо промолчали —
Нам печаль уста свела.
Лишь негромко прозвучали
В куполах колокола.

И тогда, на гимнастёрке
Оправляя смятый край,
Мне Твардовский или Тёркин
Так сказал: «Не унывай.

Не зарвёмся, так прорвёмся,
Будем живы — не помрём.
Срок придёт, назад вернёмся,
Что отдали — всё вернём».

Над днепровской гладью водной
Принимаю ваш завет,
Дорогой герой народный
И любимый мой поэт.

И для жизни многотрудной,
Чтоб ушла с души тоска,

Я кладу в карман нагрудный
Горсть смоленского песка.
Чтобы с горьким многолюдем
Жить заботою одной,
Чтобы слышать полной грудью
Вечный зов земли родной!

***

Какие мощные ветра,
Потопы и землетрясения!
Какая лютая жара!
Какие грозные знаменья!
Как будто каждый день и час,
Все исчерпав иные средства,
Всесущный призывает нас
Одуматься и оглядеться.

***

Опять в ночи набух валежник.
Опять глаза твои — ничьи.
Опять капель.
Опять подснежник.
Опять грачи.
Опять ручьи.

Вновь соловей всю душу вынет,
В груди гнездо своё совьёт.
И вновь — во взлёт.
Опять — навывлет.
И — до рассвета напролёт.

Мои дела безумно плохи,
Но свет течёт с твоей руки,
Опять судьбе, опять эпохе,
Опять рассудку вопреки...

Кони русские

Хватит в тёплом дремать овине —
Просыпайся, ямщик удалой.
Вновь грызутся на луговине
Красный, белый и вороной.
Губы в пене, грозят глазами,
Чёрный скалится на врага.
Красный мечется, словно пламя,
Белый бесится, как пурга.
У обрыва, над самой бездной,
Гривы на руки намотай,
Укrotи их уздой железной,
Крепкой сбруею обратай.
И гони их под свист и клики
К звёздам в маревом далеке,
Встав, огромный, как Пётр
Великий,

На грохочущем облучке.
Чтобы брат побратался с братом,
Чтоб Россия была крепка,
Чтоб Царь-колокол плыл набатом
Под дугой у коренника.

